

1

Воскресенье, 11 сентября, Арль

Руис...

Звук этого имени тягуч и переливчат, как шелковая ткань его одежды, как бессмертная слава великого мастера корриды Викторино Мартина, как блики на подмостках огромной, роскошной арены, которую заливают солнце.

Руис...

Двадцать тысяч человек, затаив дыхание, наблюдали за восхитительным зрелищем — яростной борьбой быка и тореадора. В центре площадки — великолепный боец, который с юношеской грацией и мужеством чистокровного испанца наносит удары. Его тонкий, точеный профиль почти скрыт в тени, а лучи солнца играют на впалых щеках, длинных ресницах, золотом костюме тореадора и на кровавой ране, пересекающей шею и ноги животного. Раз в день каждый бык должен пройти это испытание. Франк — храброе и благородное животное, достойный противник, устоявший в боях, а теперь пока-

зывающий свою мощь и дикость в ответ на меткие выпады Руиса.

Молодой человек раззадоривает публику своим искренним, неприкрытым желанием состязаться, показывая при этом поразительную технику. Руис уводит противника, потом стремительно наступает на него... Ожесточенные крики зрителей нарастают, перекрывая доносящуюся со всех сторон музыку. Руис подобен дьяволу в ангельском обличе, бык олицетворяет мрачную фигуру надвигающейся смерти.

Внезапно Руис поворачивается к публике и улыбается. На секунду он отводит взгляд от преследующей его опасности. На секунду выражение его лица становится беззащитным и как бы потерянным. Однако он тут же превозмогает себя и устремляет гордый взгляд на разбушевавшегося быка.

Солнце безжалостно ослепляет зрителей, высвечивая насмешливую реальность рокового поединка: его герои одновременно величественны и ничтожны. Атака продолжается. Матадор использует неожиданные выпады, стремясь низвергнуть противника.

Но наступает момент, когда Руис не желает больше томить публику. Он знает, что бык тоже изучает его реакцию после каждого выпада. Кроме того, бык подает сигналы о скором нападении. Если удача покинет Руиса, враг убьет его — таковы правила игры. Поэтому мужчина переходит к завершающему этапу

боя: он берет более мощное оружие и готовится к финальному броску. Над ареной воцаряется тишина, будто все жители Арля внимательно прислушиваются к происходящему.

Под палящим солнцем на арене Руис Доминике Васкес превращается в живую легенду. Луч касается блестящего металла шпаги, и Руис отчаянно бросается на противника, в то время как бык готовится атаковать его. Оружие врезается в тело несчастного животного по самую рукоятку: молниеносный, рассекающий удар — бык даже не успевает издать предсмертный крик; тело его тяжело падает в песок и постепенно замирает... Вокруг слышен только гул восхищенной толпы, видны развевающиеся на ветру белые платки.

На какую-то долю секунды тореадор, неожиданно для зрителей, кладет руку на могучую спину быка, побежденного в красивом и честном бою. Зрители громко требуют от президиума почетного марша победителя. Пережитые эмоции и слезы волнения видны на их лицах. Они хотят видеть Руиса Доминике, они изнемогают от желания прикоснуться к своему новому богу — и толпа врывается на арену, чтобы удовлетворить свой последний порыв. Город еще долго будет помнить пламенную корриду и шумную толпу, несущую по улицам Арля легендарного теперь Руиса Доминике Васкеса.

2

Понедельник, 12 сентября

Рафаэль вздохнула и со щелчком закрыла чемодан. Эти два дня в Усто де Боманьере прошли совсем не так, как обещал Жослин. Как обычно, перед поездкой он ничего не рассказывал девушке, чтобы потом увидеть ее восхищение. Он всегда делал подарки с самодовольной улыбкой человека, уверенного в себе и во власти денег.

Девушка смотрела, как он завязывает галстук перед зеркалом.

— Неужели пора ехать? — расстроено спросила она. — И покинуть этот рай?

Днем они пообедали у бассейна, наслаждаясь поджаристой ножкой ягненка и великолепным пейзажем Бо под чистым небом Прованса.

Улыбнувшись в зеркало скорее себе, чем ей, Жослин повернулся и сказал:

— Завтра, проснувшись у Виржиля, ты даже не вспомнишь это место...

Не нужно было что-либо добавлять или настаивать. С тех пор, как они решили отправиться в это путешествие, он много рассказывал о своем друге Виржили, хотя обычно был неразговорчив. После недели, проведенной в Камарге, с его бесконечными карнавалами в цветах уходящего лета, ему не терпелось увидеть Виржиля и удивить Рафаэль.

Она наблюдала за ним, старательно пряча свои чувства: под внешним равнодушием скрывалась почти детская радость. Это была своего рода игра: Жослин не может ничем восхитить девушку — она всегда держала его на расстоянии, считая это мудрым.

— Все девушки из Арля и Прованса мечтали бы оказаться на твоём месте, Рафаэль! Сегодня вечером ты будешь ужинать с Руисом Доминике Васкесом...

Он самодовольно рассмеялся, на что она ответила:

— Я бы предпочла, чтобы коррида запомнилась мне как нечто непостижимое... У меня нет желания знать, что творится за кулисами.

Последняя фраза прозвучала так грустно, что Жослин внимательно посмотрел на Рафаэль. Он медленно достал сигарету, зажег ее и только потом спросил:

— Значит, тебе понравилось вчера, правда?

— Понравилось? Вовсе нет! Это было ужасно, дико и непонятно... Но он был великолепен!